

ЭТНОЛОГИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2015. Т. 11. С. 115–141

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 39(57)

Человек на Байкале: рефугиум или антропогеоценоз?

М. Г. Туров

Иркутский государственный университет

Аннотация. Материалы настоящей публикации анализируют процессы как минимум четырехсотлетней истории освоения Байкала древним и современным человеком; большую часть публикации занимают описания мест поселения основных этнических групп населения, традиционных методов хозяйствования и перспективы освоения байкальской экосистемы в последние десятилетия прошлого и начала нынешнего столетий.

Ключевые слова: рефугиум, антропогеоценоз, население, поселения, промыслы, динамика освоения, перспективы антропогенных воздействий.

Введение

Байкал – реликтовое, самое глубоководное и огромное в своем простираии озеро мира, издревле и до настоящего времени привлекает внимание ученых. Исследовательский интерес к нему, в известной степени, объясняется тем, что Байкал и его таежные и лесостепные водосборы начиная с первых веков нашей эры и по настоящее время неизменно рассматриваются:

а) как «рефугиум» – «убежище» (от лат. *refugium*) реликтовых видов флоры и фауны, переживших неблагоприятные периоды природно-климатических изменений окружающих его экосистем Средней Сибири;

б) как перевалочный пункт, через который проходили пути миграций древнейших и исторически известных племен и народов;

в) как «историческая прародина» – исходный очаг расо- и культурогенеза ряда палеоазиатских социумов – предков современного аборигенного населения таежных и тундровых зон Северной Азии и Америки. Последнее до настоящего времени – одно из тематических направлений исследований в отечественной и зарубежной социальной и физической антропологии.

Настоящая публикация ставит к рассмотрению следующие проблемы:

– Какими хронологическими рамками датируется присутствие человека на Байкале?

– Является ли само озеро и его горно-таежное оформление вместе с узкими участками лесостепи ареалом постоянного обитания и всесезонной хозяйственной деятельности человека или же «антропогеоценозом – элементар-

ной ячейкой» [Алексеев, 1993, с. 28] – одним из локальных участков обширной экосистемы Байкальской Сибири, в границах которого функционировали сезонные отрасли хозяйства охотников-рыболовов, оседлых земледельцев и скотоводов? Попытка определиться в методах решения этих вопросов, прежде всего с позиций этногенетической и этнической истории современных этнографических групп населения Байкала, и определяет круг исследовательских задач автора.

Данные археологических исследований свидетельствуют о том, что следы человеческой деятельности в акватории Байкала датируются возрастом от верхнего палеолита (24,5 тыс. лет) до первых веков нашей эры. Материалы погребений из могильников и единичных захоронений в примыкающих к озеру пространствах предбайкальской и забайкальской лесостепи и тайги рассматриваются как свидетельства того, что в эпохи неолита – раннего металла регион Байкальской Сибири (точнее, само озеро и связанная с ним сеть речных водотоков) может быть «исходным очагом» расогенеза и этногенеза большей части современных этносов Северной Азии [Алексеев, 1973; Бурыкин, 1999; Василевич, 1969; Дебец, 1930, 1948; Левин, 1950; Окладников, 1950]. Выделенные в Прибайкалье, Забайкалье и Приморье древние популяции, носители признаков байкальского антропологического типа, до настоящего времени считаются предковой основой, на которой происходило формирование современного физического типа и культуры всех без исключения этнокультурных общностей «северных тунгусов» [Бурыкин, 1999; Карлов, 2014].

Лишь в последней четверти XX – начале XXI в. исследования отечественных генетиков и антропологов демонстрируют достаточно серьезные аргументы [Туров, 2008], указывающие на возможность связи ранних этапов этногенеза автохтонных народов Северной Азии с катангским антропологическим типом, выделенным в краниологии и генотипе древних обитателей Средне-Сибирской платформы [Ветров, 1993; Дебец, 1948; Пежемский, Рыкушина, 1998; Рычков, 1973; Генетика и антропология популяций ... , 1974а, 1974б, 1976; Шереметьева, 2006].

По устному сообщению Д. В. Пежемского, байкальский антропологический тип, выделенный в краниологии 4–5 погребений позднего периода формирования автохтонных популяций Сибири (глазковский этап неолита-энеолита), по факту первых находок палеоантропологических данных этого типа территориально привязан к Байкалу. На самом деле палеоантропологические материалы Прибайкалья и Забайкалья и один череп из погребения в пещере Чертовы ворота либо демонстрируют достаточно резкие отличия от краниметрических характеристик современных северных монголоидов (эвенков и эвенов), либо обнаружены далеко за пределами побережья Байкала [Алексеев, 1989; Балуева, 1978; Рычков, 2004; Мамонова, 1980; Молекулярно-генетическая характеристика ... , 1997]. В этой связи наличие в краниометрии современных южных тунгусов и части населения государств Мохэ и Бохай признаков байкальского антропологического типа может рассматриваться лишь с позиций поздней (первые века нашей эры) межпопуляционной

метисации носителей катангского антропологического типа с гетерогенными популяциями центральноазиатских монголоидов.

Археологические следы обитания человека на Байкале (городища, наскальные изображения, погребения и иные культовые сооружения) оставили после себя выходящие к Байкалу группы разноязычного союза племен охотников, земледельцев и кочевых скотоводов, известного под общим названием *гулиганы – курьканы – курумчинцы*. Следы пребывания в горно-таежном и лесостепном окаймлении Байкала столь же разнородных по культуре и языку более поздних групп демонстрируют материалы топо- и гидронимики: эвенк. *ламу* – большая вода, море; тюрк. *Бай-куль-кёль* – богатое озеро; монг., бур. *Байегол-Баягол* – богатое озеро; *Ангара-Ангаракан* – от алтайского праязыка – провал, пасть, ущелье, расщелина; *Селенга* – от древнетюрк., монг., тунгусо-маньчж. *Сэлэ* – мамонтова кость, железо [Мельхеев, 1969; Мурзаев, 1984, с. 50, 66, 501; Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских ... , 1977, с. 140]. Вопрос состоит в том, являются ли все вышеперечисленные данные свидетельством того, что известные по археологическим, историческим и этнографическим источникам группы постоянно обживали Байкал, или же они посещали его периодически, не задерживаясь на его суше более чем на срок сезонного освоения тех или иных биоресурсов.

Анализируя выделенные в культуросодержащих горизонтах местонахождений эпох палеолита – мезолита, неолита и раннего металла фаунистические остатки и орудийные комплексы, археологи считают, что раскопанные ими местонахождения могут соответствовать временным сезонным поселениям, характерным для комплексного хозяйства, сочетающего сезонные охоты на копытных с рыболовством и промыслом байкальской нерпы [Асеев, 2003; Горюнова, 1997; Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000; Дашибалов, 1995; Лбова, Хамзина, 1999; Конопацкий, 1982; Новиков, 2010; Харинский, 2001]. Исходя из имеющихся на сегодняшний день исторических и этнографических источников [Георги, 1799; Доппельмайер, 1926; Зиннер, 1968; Иванов, 1978; Павлинская, 2008; Радде, 1858], можно предполагать, что освоение биоресурсов Байкала группами эвенкийского, бурятского и русскоязычного старожильского населения до первой четверти XX столетия происходило в режиме кратковременных сезонных промыслов отдельных видов терио- и иктиофауны.

К началу X в. таежные пространства предгорий Приморского хребта и северного фаса Восточного Саяна, верховья р. Лены и нижнюю часть бассейна р. Верхней Ангары осваивали небольшие по численности патриархально-соседские общины наиболее ранних обитателей Прибайкалья – эвенков (тунгусов). Первыми достоверными сведениями об эвенкийских обитателях побережья Байкала и примыкавших к нему территорий, очевидно, следует считать путевые заметки русского посланника в Китай Н. Спафария и обработанные Б. О. Долгих списки ясачных плательщиков первой половины XVII в. [Спафарий, 2010; Долгих, 1960].

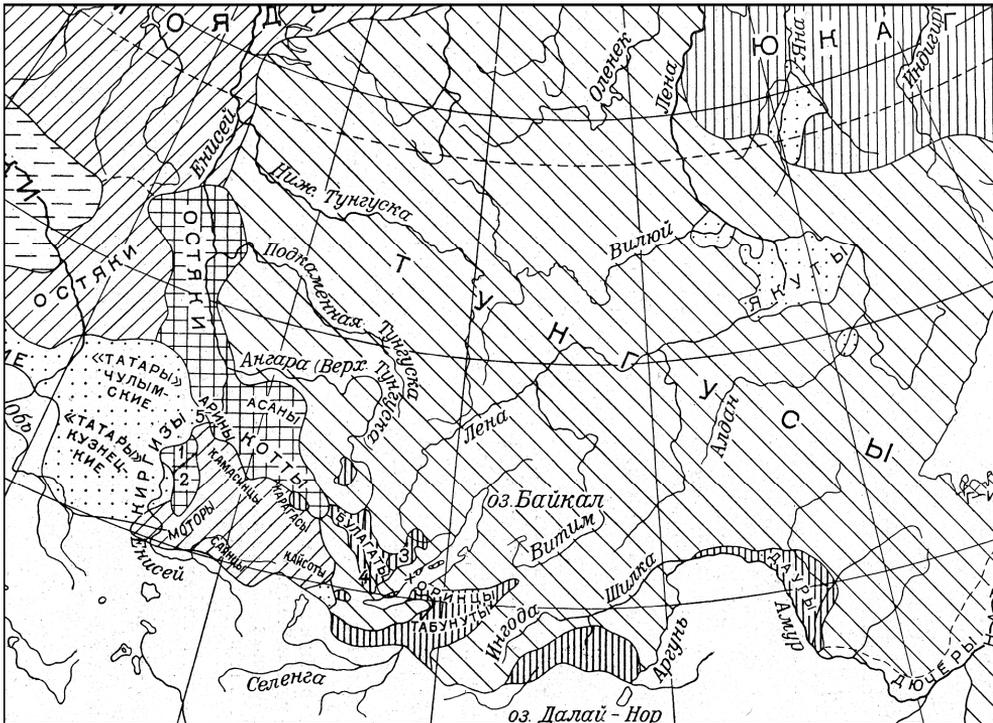

Рис. 1. Карта населения Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII в.
[Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 6]

По предложению И. Г. Георги [1799] все эвенкийское население Прибайкалья середины XVIII в. по особенностям организации промыслового хозяйства и быта, типу используемых транспортных средств и основным доминирующим отраслям хозяйственной деятельности было принято разделять на две группы:

– «бродячих» охотников, имевших в своем распоряжении небольшие по численности (от 5 до 10 голов на семью) стада транспортных оленей, кочевавших в течение всего календарного года в границах своих родовых угодий; периодически, в поисках более богатых пушниной и зверем угодий, эти эвенки уходили на сотни и тысячи километров от мест своей административной приписки (русских поселений и зимовий, в которых реализовывалась добытая охотничья продукция);

– «сидячих», не имевших своих оленей эвенков, использующих в качестве транспортного средства легкие лодки «берестянки» (типа байдарок) и осваивавших рыболовные угодья рек и озер и ближайших к ним участков тайги.

И те и другие относились к категории так называемого ясачного населения, иначе говоря, обязались сдавать часть добытой пушнины в государеву казну, а оставшуюся часть добычи обменивать на продукты питания, хозяйственные товары и промысловое снаряжение. Различия между теми и другими состояли в первую очередь в соотношении доминирующих и подсобных отраслей хозяйства. Для «бродячих» эвенков к первым относились сезонные

промыслы пушнины и копытных. Рыболовство и сборы дикоросов вместе с приобретаемыми в обмен на пушнину у русских продуктами являлись дополнительными источниками питания, разнообразившими по преимуществу мясную пищу.

«Бродячих» эвенков, в буквальном смысле этого понятия, нельзя отнести к категории постоянных обитателей прибрежной зоны оз. Байкал. Имея в своем распоряжении достаточное количество домашних оленей (не менее 10–15 голов на семью), которых чаще всего использовали для транспортировки необходимого в кочевом быту имущества и доставки к жилому месту добытого зверя, эвенки во время промысла совершали протяженные (от 400 до 800 км) промысловые экспедиции. Как правило, такие кочевки связывались с последовательным опромышлением серии охотничьих и рыболовных угодий и занимали по времени большую часть календарного года [Василевич, 1969; Левин, 1951; Копылов, 1928; Петри, 1930; Туров, 1990].

В свою очередь «сидячие» (или «пешие») эвенки основную часть летнего времени (с июня до второй половины сентября) обитали в прибрежной зоне озерных и речных водоемов, периодически меняя кратковременные стоянки и опромышляя серию принадлежавших им мест лова рыбы. Заготовки рыбы в этот период были достаточно значительными, являлись основным источником питания семей в летний период и существенно дополняли пищевой рацион семей в период зимней оседлости на стационарных стойбищах. Зверовая охота (добыча копытных) у этой категории охотников ограничивалась сезонными заготовками мяса и кожевенного сырья на зиму. Пушной промысел, особенно со второй половины XIX в. – с отменой государственной монополии на заготовки пушно-меховой продукции, постепенно превращался из повинности в регулярный вид хозяйства товарного назначения [Туров, 1990].

Расселение этнических групп населения в зоне Байкала

Кочевые и оседлые эвенки. По данным списков ясачных плательщиков (XVII – последней четверти XIX в.) и первой регулярной похозяйственной переписи 1897 г., эвенкийское население примыкавших к побережью и расселенных в береговой зоне Байкала групп было представлено соседскими общинами, объединявшими в своем составе патронимические части следующих родов [Патканов, 1906]:

Обураченные «роды» *ангут-алгут, монго-мунгал* в XVI–XVII вв. в районе Баргузина [Василевич, 1969, с. 262, 274; Залкинд, 1941; Патканов, 1906]. Род обураченных эвенков *камчагиров*, по данным В. А. Туголукова [1985, с. 24–25], в середине XVII в. кочевал в прибайкальской тайге между верховьями р. Лены и юго-западным побережьем оз. Байкал. В основной своей части это были так называемые конные тунгусы, перешедшие к скотоводству и, в значительно меньшей степени, товарному пушному промыслу, которые, выходя в прибрежные гольцы Приморского хребта, охотились на изюбря. Мясное направление этого вида промысла имело подсобное значение. Основной смысл регулярных охот на этот вид состоял в заготовке пантов для продажи и

обмена среди русского населения. Небольшая группа *камчагиров*, по материалам Б. О. Долгих [1960, с. 284], имела незначительное количество домашних оленей, однако уже во второй половине XVIII в. в списках ясачных плательщиков, выходявших с пушниной в один из русских острогов, она не значится. К той же категории подвергшихся бурятской аккультурации эвенков относились роды конных эвенков *лимагиров*, *баликагиров*, а также не имевших оленей *киндигириров* и *чильчагириров*, которые выходили на впадавшие в озеро реки и к самому Байкалу для сезонного лова ходовой рыбы (в сезон нереста) [Туголуков, 1985, с. 308].

Публикуя материалы экспедиции 1933 г. к северобайкальским эвенкам, М. Г. Левин отмечает, что общая численность этой группы составляла в этот период 800 человек [здесь и ниже: Долгих, 1960, с. 282–284; Левин, 1936, с. 71]. Они входили в административное подчинение Бурят-Монгольской АССР и были представлены тремя родами:

- самый многочисленный – *шамагирский*, обитавший по «северо-западному берегу Байкала в... узкой полосе меж хребтом и озером»;
- *киндигирский* – кочевали «по реке Кичере и ее притокам, по рекам Маме, Чае, до реки Киренги на западе»;
- *чильчегирский* – «охватывает своими кочевыми и охотничьими угодьями... пространство бассейнов рек верхней Ангары, Китеры, Муи, Чуры, Май вплоть до Бодайбо».

Как отмечают указанные авторы, транспортное оленеводство у части этих эвенков предопределяло кочевой быт, охватывающий большую часть календарного года в стороне от побережья Байкала. Кроме оленных эвенков, отдельные северобайкальские группы (в частности, ответвление рода *някугир* – патронимия *шамагириров*) в первой половине XVII в. относились к категории «сидячих» эвенков, которые держались вблизи русских поселений юго-западного побережья Байкала между полуостровом Святой Нос и Чивыркуйским заливом. Основу хозяйственной деятельности этой группы составляли прибрежный лов рыбы, пушной промысел и зимняя охота на байкальскую нерпу [Туголуков, 1985, с. 307–308; Василевич, 1969, с. 71].

Чтобы в более полном объеме представить характер хозяйственной деятельности перечисленных эвенкийских родов и патронимий, следует, на мой взгляд, обратиться к запискам поручика Орлова, который по заданию Иркутской губернской канцелярии проводил обследование группы верхнеангарских эвенков [Орлов, 1857, с. 191–192]. В конце XIX в. эти эвенки были административно приписаны к двум инородным управам:

- первая располагалась немного выше устья р. Верхней Ангары на ее притоке Душкачане; в этот пункт для реализации на ярмарках добытой пушнины выходили эвенки *киндигирского рода*;
- вторая группа, к которой относились эвенки *чильчагирского рода*, выходила с пушниной на ежегодные ярмарки в село Верхнеангарск. Общее число приписанных к обеим управам эвенков – 259 человек мужского и 216 человек женского пола.

Годовой хозяйственный цикл этих, как и остальных территориальных групп эвенков, рассчитывался исходя из смены фаз луны (новолуние, полнолуние), включал 13 месяцев и в целом состоял из двух (летний «ангани» и зимний «тугэни») полугодий. Как сообщает поручик Орлов [1857, с. 183], кочевой быт эвенков за исключением одного «лунного месяца» (эвенк. «эктэнкирэ» – конец ноября – начало декабря астрономического календаря) был посвящен попеременному кочевому освоению ряда расположенных на берегу и в «ближней тайге» разнообразных по видовому составу терио- и ихтиофауны промысловых угодий.

Летний промысловый период начинался с месяца «туран» (*прилет ворон* от эвенк. «тураки» – ворона, конец февраля – начало марта). В это время эвенки всей семьей перемещаются из стационарного зимнего стойбища на промежуточную сезонную стоянку неподалеку от глубоких межгорных долин, оврагов и распадков, в которых по глубокому затвердевшему снегу – насту – промышляют на лыжах копытных.

Второй летний месяц – «шонкан» [Василевич, 1969, с. 45–46] в сравнении с астрономическим календарем (вторая половина марта – начало апреля) соответствовал началу кочевания по долине Верхней Ангары, где на устьях ее притоков и в затопленных половодьем участках поймы эвенки ставили плетенные из ивняка ловушки для лова идущей на нерест рыбы (таймени, налимы, щуки и окуни).

В третий месяц летнего цикла – «дукан» (конец апреля – начало мая) эвенки выходили на южные склоны береговых обнажений рек и безлесные речные долины [Орлов, 1857, с. 184]. С осени на этих участках эвенки устраивали пожоги травостоя. С началом активного таяния снега на выжженных гарях ранее всего появляется первая зелень. В это время на гари для корма по ночам выходят звери (дикий олень и косуля. – М. Т.). Охота на копытных, по сообщению Орлова, в этот период редко бывала эффективной, обеспечивала семьи охотников свежим мясом лишь на этот месяц и являлась дополнительным источником обеспечения продуктами наряду с продолжающимся рыболовством [Там же].

Четвертый летний месяц – «илага» (*время цветения ягодников* – июнь) был связан с промыслом изюбря, выходящего на южные склоны скалистых берегов речных долин. Промысел изюбря в тот период, из-за низкого качества отощавших за зиму животных, являлся лишь временным источником обеспечения продуктами питания. Основной смысл охоты на этот вид заключался в заготовке изюбровых пантов, которые сбывались на ярмарках русским купцам и заезжим перекупщикам из местного русского населения прибрежных байкальских поселений. По оценкам Орлова, в случае удачной охоты на изюбря эвенкийская семья на весь летний сезон, до начала осенних промыслов, обеспечивала себя всем необходимым привозным набором продуктов питания и припасами для ружейной охоты [Там же, с. 185].

В пятый месяц «летнего года» – «илкун» (вторая половина июня – начало июля, *месяц мошки, созревания ягод*) эвенки спускались с гольцов Приморского хребта в долины рек и к озерам, в начале месяца эвенки «занимаются

рыболовством... расставляя по рекам на быстрых местах верши (плетенные из ивняка ловушки. – М. Т.), а в озерах для лова употребляют плетеные из конского волоса сети, которые расставляют с небольших берестяных лодок. В одной лодке размещается 2-3 рыбака. Сетевой лов рыбы бывает очень прибыльный... в них попадаются большие осетры, таймени, ленки, окуни и щуки» [Орлов, 1857, с. 185].

Выловленную рыбу, разделив на пласты, развешивали внутри чумов в верхней части возле дымового отверстия для копчения. «К концу этого месяца в тихую погоду эвенки ночью выезжают на берестянках в тихие заводи, где с зажженными на носу лодки пучками смолистых лучин бьют острой стоящую рыбу». «Если же в этом месяце, и даже во всякое лето, случится от дождей половодье, то тунгусы спешат к порогам больших рек и там тоже острою днем с берега колют больших тайменей, осетров и щук» [Орлов, 1857, с. 186]. В этот же месяц эвенки ведут охоту на лосей, зашедших в речные заводи и озера для поедания речных водорослей и водных растений. «Впрочем, – отмечает Орлов, – этот промысел редко бывает успешным...» [Там же].

Вторая половина июля – первая половина августа (эвенк. *«ирэн»* – *обдирание коры лиственницы рогами парнокопытных*) начинались выходом в гольцы на поиски нор тарбагана. К началу сентября (эвенк. *«иркин»* – *время чистки копытными окостеневших рогов*) эвенки перекочевывали в травянистые, богатые хвоем долины, где с трубой-манком (эвенк. *«оревун»*) охотились на изюбрей и лосей. Стоянки этого времени устраивались вблизи богатых рыбой участков рек; для лова рыбы возле берега устанавливали плетеные ловушки.

Вторая половина августа – первая половина сентября считается у эвенков началом «зимнего года» и массовой охоты на копытных, заготовки мяса на весь снежный период календарного года. К этому же времени относится заготовка осенних, особенно прочных, шкур копытных, которые используют для пошива осенних покрытий конических жилищ – чумов и зимней меховой одежды и обуви. В конце сентября – начале октября продолжается лов поднимающихся вверх по рекам для икрометания байкальских рыб [Василевич, 1969, с. 45; Орлов, 1857, с. 187–188].

В следующий зимний месяц (вторая половина сентября – начало октября (эвенк. *«угун»* – *появление паберегов, первого прибрежного тонкого льда, время первого снега*)) эвенкийские временные стоянки перемещаются в глухие таежные места, в которых охотники до выпадения глубокого снега, не задерживаясь на одном месте более недели, ведут промысел товарной пушнины.

Со второй половины декабря, весь январь и начало весны эвенкийские семьи собирались на общем для отдельной клановой общины стационарном зимнем стойбище (эвенк. *«тугэдзек»*). Весь этот продолжительный период промысловая и иная хозяйственная деятельность эвенков сводилась к домашним ремеслам и редким выходам охотников для добычи копытных в случаях, если запасы мяса, заготовленного в период осенних охот, оказывались недостаточными. В теплые дни начала декабря охотники или члены их семей вы-

ходили в русские селения для реализации пушнины и закупок продуктов, охотничьего провианта. У имевших небольшое число ездовых домашних оленей эвенков зимний период был временем преимущественно оседлого обитания на «зимниках» и редкого выезда в гости к ближайшим родственникам и соседям, что производилось по неписаному закону таежного этикета и гостеприимства.

Изложенное выше позволяет уверенно констатировать, что сложившееся задолго до русского освоения Прибайкалья хозяйство оленных и «сидячих-пеших» эвенков было достаточно пластичным, относительно безболезненно реагирующим на резкие изменения естественных экологических и технологических условий жизнеобеспечения. Комбинация всего возможного спектра охотничьих промыслов, рыболовства и собирательства позволяла быстро менять соотношение и роль ведущих (доминирующих) и второстепенных (подсобных) отраслей хозяйства. Так, потеряв оленей, часть северобайкальских и верхнеангарских эвенков начала интенсивно заниматься рыболовством и уже в «русский период» этнокультурной истории переходила к оседлости вблизи русских поселений [Григоровский, 1890]. Охотничий промысел и само обитание в тайге ограничивались сезонами осенней и весенней добычи копытных и пушнины, носили характер индивидуальных экспедиций в таежные угодья, тогда как члены семей охотников оставались в стационарных поселениях. По форме опромышления угодий этот тип ведения охоты и рыболовства все более соответствовал русской промысловой традиции со стационарными зимовьями. Очевидно, отмеченный среди безоленных *някугиров* и выделившихся из их состава *шамагиров*, осваивавших северное (район Верхней Ангары) и юго-западное побережье Байкала (севернее полуострова Святой Нос и Чивыркуйский залив), активный промысел байкальской нерпы [Туголуков, 1985, с. 308] также сформировался не без влияния русской и бурятской охотничьей традиции в период перехода этих эвенков к оседлости.

Бурятское население Байкала. Как отмечено выше, наиболее ранние следы освоения Байкала группами скотоводческого (предположительно тюркоязычного и монгольязычного) населения относятся к рубежу нашей эры. Косвенные данные (китайские исторические хроники и материалы археологических исследований керексуров и могильников) рассматриваются как свидетельство того, что лесостепные участки Западного Забайкалья и узкие участки реликтовых лесостепей Байкала, среднего и верхнего течения Ангары, долины рек Селенги, Баргузин и о-в Ольхон могли осваиваться группами хунну и ранних монголов. Скорее всего, малопригодные для постоянного содержания скота указанные участки экосистемы Байкала являлись основной причиной того, что эта территория была лишь частью более обширного хозяйственно-культурного ареала, включавшего большую часть современных территорий Монголии, Республики Бурятия и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области.

Что же касается современных бурят, то ранние этапы их этногенеза, формирования двух специфических (кочевых и отгонных) форм ведения скотоводческого хозяйства заняли достаточно продолжительный период –

IX–XVII вв. н. э. [Нимаев, 2004, с. 13–14, 25]. Первые же сведения о собственно бурятах появляются в путевых заметках российских послов, отправлявшихся в Китай и Лхасу во второй половине XVII в. В первые века I тыс. н. э. отдельные родоплеменные группы западных бурят (русское название «братские люди») могли выходить к Байкалу и в районы Тункинской долины для летнего отгонного содержания домашних животных. Окончательное оседание западных и восточных бурят в лесостепных участках бассейна Байкала, по всей вероятности, происходило уже в период русского освоения Байкальской Сибири. Общая картина расселения бурят в период XVII–XIX вв. представляется в следующем виде.

Общая численность бурят на всем пространстве Прибайкалья, Западного Забайкалья и Приольхонья (включая сам о-в Ольхон), по данным XVII в., не превышала 25–30 тыс. человек. Так, в своем описании населения Прибайкалья Н. Спафарий [2010] отмечал, что буряты в большинстве своем осваивали пригодные для скотоводства узкие участки лесостепей, примыкавших к побережью Байкала в устьях рек Голоустной и Бугульдейки (включая участки «Сухой степи»), лесостепные участки долины р. Баргузин и юго-западного побережья Байкала.

В монографическом издании по этнической истории бурят (серия «Народы России») улан-удэнские этнографы Д. Д. Нимаев и Б. З. Нанзатов для периода XVII–XIX вв. отмечают следующие родоплеменные и этнотерриториальные группы бурят [2004].

В устье р. Голоустной, очевидно вскоре после появления первых русских поселений Прибайкалья – Приангарья, в лесостепные участки ее долины вышла часть бурятского племенного союза булагатов, которые именовали себя *ашэбагатами–ашабагатами* [Нимаев, Нанзатов, 2004, с. 46]. На рубеже XVI–XVII вв. в Приольхонье, в средней части западного побережья Байкала на о-ве Ольхон, расселяется вытесняемая местным монголоязычным населением внутренних районов Монголии, этнотерриториальная группа *хори* (хоринцы), являвшаяся частью племенного союза *булагатов* [Там же, с. 49, с. 51].

По Б. О. Долгих [1960, с. 287], в XVII – начале XVIII в. *хоринцы* Приольхонья (чернорудская и баргузинская «инородческие управы») и о-ва Ольхон прежде обитали в верховьях р. Лены, в районе впадения в нее рек Анги, Манзурки и Куленги. Кроме того, Б. О. Долгих отмечает, что отдельные кочевые группы бурят для сезонного лова рыбы выходили к Байкалу далеко от мест своего постоянного обитания. Так, часть кудинских *ашебагатов* и *харанутов* выходила для лова заходящей на нерест рыбы в район устья р. Голоустной, где они впоследствии осели окончательно [Там же, с. 288].

Лесостепные участки долины рек Селенги и Баргузина и восточного побережья Байкала были в это же время населены группами отколовшихся от *эхиритов* этнотерриториальных групп *кударинских* и *баргузинских* бурят, прежде обитавших в долинах рек Лены, Куды и Мурина [Там же, с. 54].

Характеризуя хозяйство указанных групп бурят, С. Г. Жамбалова сообщает следующее: кроме ведущих отраслей хозяйства – отгонного скотоводства и «утужного земледелия», часть прибайкальских бурят активно занималась

охотой и рыболовством [Жамбалова, 2004]. Впрочем, охотничий промысел в виде заготовок пушнины и потребительской охоты на копытных был распространен лишь среди части бурятских хозяйств, обитавших далеко за пределами побережья Байкала. Промыслом нерпы на Байкале занимались буряты чернорудской и баргузинской «инородческих управ, живших вблизи русских поселений и стойбищ оседлых эвенков, при этом большую часть нерповщиков составляли ольхонские буряты» [Жамбалова, 2004, с. 105, 107, 117].

Отсылая читателя к монографии М. Н. Хангалова, С. Г. Жамбалова отмечает: «Прежние (древние. – М. Т.) буряты были рыболовами... Основываясь на старинных преданиях среди орудий рыболовства он отмечает плетеные ловушки типа “морда”, сети из конского волоса, остроги на длинной рукояти или стрелы с наконечниками типа острог, которыми добывали проходившую в реки на нерест рыбу. Использовали и такой вид рыболовства, как лучение – добычу большой острогой крупных видов с лодки ночью при свете зажженного на носу лодки огня. Особенно интересным было рыболовство у ольхонских, кударинских и баргузинских бурят» [здесь и далее: Жамбалова, 2004, с. 118–121]. В XIX в. рыболовство кударинских и ольхонских бурят приобрело товарное значение. Рыболовством занимались артельно, выезжая в Малое Море на закрепленные за артелями «тони» (места сетевого лова. – М. Т.), на специальных рыболовных судах – «карбазах». Зимой у берега в районе Баргузинского залива возле губы Хор-Хой неводами ловили хариуса. Весной хариуса ловили в устьях Бугульдейки, Анги и других впадающих в Байкал рек, куда он заходил для нереста. Этими угодьями пользовались буряты близлежащих к рекам селений, «отстоящих от побережья Байкала на значительное расстояние».

Ведущие регулярные промыслы пушнины буряты Иркутского уезда (выделен в составе Иркутской губернии в 1682 г.), судя по материалам Б. О. Долгих [1960, с. 294–323], объединялись в две территориальные группы ясачных плательщиков: 1 – в юго-западной оконечности Байкала, выходившие с пушниной в Иркутский острог; 2 – в районе Баргузинского острога. С 1892 г. для сдачи ясачной пушнины в Иркутский острог выходили семьи хоринских бурят, обитавших на западном побережье Байкала.

Русские на Байкале. Русское освоение побережья Байкала берет свое начало со второй половины XVII в., когда были организованы два укрепленных острожных поселения – Верхнеангарское (1643 г.) и Баргузинское (1648 г.). Сведения о составе русского населения, его численности и характере хозяйственной деятельности весьма неполны. Можно лишь предполагать, что население бассейна р. Верхней Ангары, формировавшееся в этот период вокруг Верхнеангарского острога, было в основной части представлено так называемыми служилыми людьми. Меньшую часть составляло русское старожильческое крестьянство, хозяйственная деятельность которого, кроме земледелия и приусадебного животноводства, включала сезонные промыслы пушнины и копытных, сетевой лов рыбы и охоты на нерпу, которые дополняли традиционные источники продуктов питания и определяли товарную составляющую хозяйства [Долгих, 1960, с. 297].

Из путевых записок Н. Спафария [Спафарий, 2010, с. 119] известно, что пригодные для русского земледелия и животноводства земли располагались в юго-западной части побережья Байкала и в некотором удалении от него в остепненных участках долин рек Голоустной, Бугульдейки и Баргузина. По данным О. В. Бураевой, заселение долины р. Баргузин «постоянным русским населением» начинается лишь в первой половине XVIII в. Общее число приписанных к Баргузинскому острогу русских домохозяйств к 1740 г. насчитывало 83 двора. От Байкала до самого острога, выстроенного на расстоянии 35–40 км от его побережья, «возникла цепь зимовий и деревень в 1-2 двора», населенных переведенными в крестьянское сословие бывшими служащими острога. По данным 1772 г., общее число русских обитателей этого района, живших чересполосно с эвенками и бурятами, – 322 человека [Бураева, 2005, с. 15].

Как и в других малопригодных для земледелия и животноводства регионах Енисейско-Ленского междуречья, русские охотничьи и рыболовные промыслы на Байкале и в прилегающих к нему таежных угодьях вынужденно адаптировались к местным условиям и изменялись за счет заимствований из промысловой культуры эвенков и бурят. Заимствования фиксируются в охотничьем и рыболовном инвентаре, в типах временных промысловых жилищ, а также в организации и методах ведения охотничьего и рыболовного хозяйства [Башаров, 2005; Бураева, 2005, с. 64–67].

Резкое увеличение численности русского населения на побережье Байкала и в его ближайших окрестностях относится к концу XIX – началу XX в. – времени завершения строительства Московского тракта, развития байкальского судоходства и строительства кругобайкальского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. Подробные сведения о русских поселениях на Байкале и основных направлениях свойственного им хозяйства встречены автором в «Лоции и физико-географическом очерке Байкала» Ф. К. Дриженко. Оригинал публикации труда Ф. К. Дриженко является в настоящее время библиографической редкостью и ограниченно доступен. В этой связи автор счел уместным привести здесь с изъятиями некоторые, взятые из Интернета, части текста «Лоции ...» [Лоция и физико-географический очерк ... , 1908].

Наиболее заселенными местами в этот период являлись районы, прилегающие «к почтовым трактам (а в настоящее время и к железной дороге). Таким образом, южная половина Байкала заселена более, чем северная, в которой расположились лишь редкие тунгусские кочевья и кое-где русские поселки, преимущественно из ссыльных крестьян.

Все более или менее заселенные места эти располагаются в следующем порядке:

В заливе Лиственичном, при истоке р. Ангары (единственный исток Байкала. – *М. Т.*), находится село Лиственичное (в 60 верстах от г. Иркутска), растянувшееся узкой полосой деревянных домов на 5 верст вдоль берега... На мысе Лиственичном расположены: контора железнодорожной переправы Забайкальской железной дороги; портовые мастерские и другие службы. Жители (около 600) преимущественно служащие в конторах, в таможне, в казен-

ном и частном пароходствах и рабочие в мастерских, а также издавна занимающиеся рыбным промыслом, извозом и торговлей».

«В расстоянии 72-х верст к западу от Лиственничного находится село Култук, расположенное вдоль юго-западного берега Байкала, состоящее из 100 дворов с крестьянами-старожилами; остальные жители, недавно прибывшие и привлеченные, главным образом, постройкой Кругобайкальской железной дороги – рабочие и служащие... Коренные жители занимаются хлебопашеством, скотоводством, рыболовством, звероловством, собиранием кедровых орехов, рубкой и сплавом леса и извозом. Слово Култук означает у местных жителей бухтовидное окончание каждого залива или озера (название это встречается еще и в другом месте), про себя же култукчане говорят, что село их расположено “в самом култуке моря”... Далее по юго-восточному берегу Байкала расположены следующие поселки, преимущественно около почтовых станций и по почтовой дороге, идущей из Иркутска в Верхнеудинск: Муравьево-Амурский, Утулинский (с церковью), Муринский, Снежный (с почтово-телеграфной станцией уже Забайкальской области), Выдренский, Переемный, Малиновка и Мишиха. Жители этих поселков занимаются главным образом извозом и рыбным промыслом.

В 141 версте от Култука к востоку расположен гор. Мысовск (прежде станция Мысовая) с пристанью железнодорожной переправы Забайкальской железной дороги и двумя пристанями Немчинова. Здесь же и железнодорожная станция, мастерские, депо, конторы, почта, телеграф, таможня, церковь, городская и церковные школы, гостиницы, казармы местных войск, лазареты, магазины и лавки.

Далее по берегу от Мысовска в 17,5 верстах следует поселок Боярск, а за ним в 20,5 верстах селение Посольское с Посольским монастырем и бывшей при нем Посольской гаванью в северной части Прорвинского Сора, ныне обмелевшей, игравшей видную роль в течение трех четвертей прошлого столетия и половины XVII-го, когда перевозочная деятельность казенных и частных судов сосредоточивалась главным образом в пределах Лиственничного, Селенги и Посольска... Жители Посольского селения занимаются хлебопашеством, рыболовством и извозом. Самому монастырю принадлежат значительные рыбные участки по берегу озера, которые он сдает в аренду частным лицам.

За Посольском к северу в 12 верстах находится деревня Исток, имеющая около 100 дворов. Здесь церковь и школа. Крестьяне занимаются рыболовством и хлебопашеством, а также извозом.

В районе обширной дельты реки Селенги находится несколько русских поселков с волостным селом Кударой и бурятских с волостным селом Думой. Заливные острова дельты буряты эксплуатируют преимущественно для сенокоса, а также занимаются рыбным промыслом; русские же занимаются главным образом хлебопашеством и рыболовством, а также извозом». «На восточном берегу Провала, на мысе Облом, находится несколько изб рыболовных артелей; там же и часовня.

Далее к северу следуют... русские деревни Сухая и Заречье. Жители занимаются главным образом рыбной ловлей и скотоводством. Хлебопашест-

вом занимается деревня Заречье, состоящая из недавно переселившихся крестьян Черниговской и Полтавской губерний.

От деревни Сухой до Гремячей, на протяжении 65 верст, места не населенные, оживляющиеся на время рыбных промыслов с весны до осени. В особенности оживляется губа Таланка, где берег застроен шалашами и избами. Далее деревни Гремячая, Туркинская при устье реки Турки, на правом берегу, и Горячинская в 2-х верстах от берега около Горячего минерального источника. Все три деревни находятся на почтовом тракте из Верхнеудинска в Баргузин. При деревне Горячинской, жители которой занимаются главным образом рыбным промыслом и извозом, находятся “Туркинские минеральные воды” – местный курорт, основанный при Императрице Екатерине II. При курорте – больница, номера для больных, ванны; имеется постоянный врач, заведующий курортом.

В 65-ти верстах от Горячинской деревни, в Баргузинском заливе, на правом берегу реки, в 1 версте от ее устья, находится село Усть-Баргузин, в котором постоянных жителей не более 25 домов. Там же перевоз и почтовая станция. Рыболовство и извоз – главные промыслы. Из деревни на местных байкальских судах вывозится гужир (глауберова соль), идущий на стеклянные заводы и добывающийся в озерах вверх по реке. В 40 верстах от устья вверх находится город Баргузин, имеющий около 1000 жителей.

Село Усть-Баргузин является последним населенным этапом на этом протяжении восточного берега Байкала; вторая половина этого берега, на протяжении 250 верст до устья р. Ангары, включая Чивыркуйский залив, посещается только временно, и именно рыбаками с весны до осени. В Чивыркуйском заливе, в губе Онгоконской, помещаются обширные рыбоделы. Губа Сосновка также посещается значительными артелями. На берегу губы находится даже часовня; имеется сторож, живущий при рыбоделах и зимой. От губы Сосновки к северу берег часто посещается кочующими со стадами оленьей тунгусами.

Дагарское и Душкочанское устья реки Верхней Ангары оживляются также с весны до осени на время рыбного промысла и соболиной ярмарки. Зимой же в Дагарском устье живут не более двух-трех семейств и сторож, охраняющий дома промышленников и рыболовные сараи. Здесь церковь, лазарет. По обе стороны Кичерского устья расположены также рыболовные сараи и дома рыбопромышленников, но зимой многие дома здесь заколачиваются. При устье, на правом берегу Кичеры, находится небольшой поселок Чечевки, имеющий смешанное население и состоящий из 14-15 дворов. В 7,5 верстах вверх по Кичере находится селение Душкочанское, состоящее из 20 дворов; имеется церковь и церковно-приходская школа. Здесь зимой бывает ярмарка, на которую съезжаются баргузинские купцы для покупки мехов от тунгусов; здесь же сбор ясака (дани) с тунгусов в Кабинет Его Величества... Далее к югу, на протяжении 51 версты западного берега, места пустынные до мыса Лударь, за которым находится деревня Летники, около речки Рель, а к югу от нее, в 3 верстах, деревня Тала, при речке Горемыки. Обе деревни населены русскими, занимающимися хлебопашеством, скотоводством, рыбной ловлей и соболиным промыслом.

Рис. 2. Бурятская женщина в зимней одежде
(открытка из собрания ВСОРГО, Иркутск, начало XX в.)

Рис. 3. Шаман иркутских бурят
(открытка из собрания ВСОРГО, Иркутск, начало XX в.)

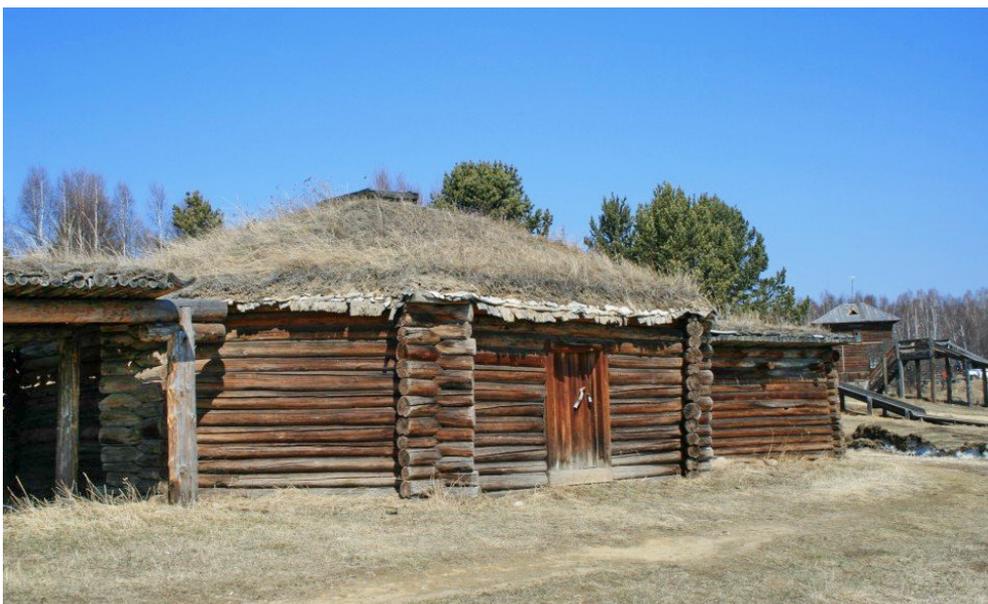

Рис. 4. Бурятская юрта, реконструкция.
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Рис. 5. Интерьер бурятской юрты, реконструкция.
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Рис. 6. Корьевой чум эвенков – «угдакса», реконструкция.
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Рис. 7. Эвенкийская семья на осеннем стойбище

Рис. 8. Кратковременная летняя стоянка эвенков

Рис. 9. Зимний лов рыбы сетью

Рис. 10. Олени у дымокура (летнее стойбище)

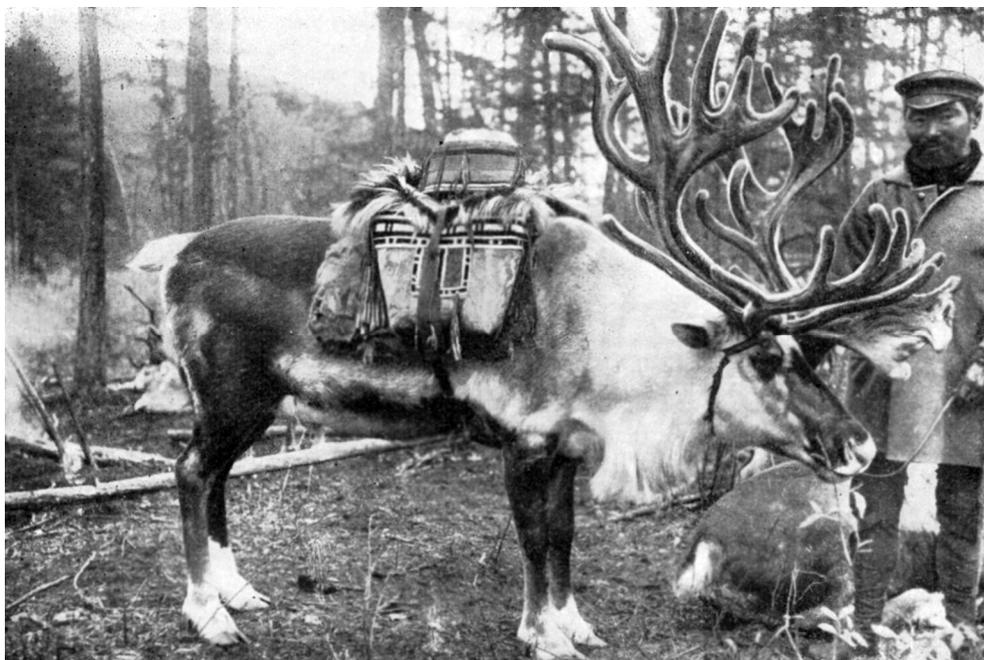

Рис. 11. Северобайкальский эвенк с навьюченным оленем
[Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 36, табл. 10–1]

За деревней Тала к югу, на протяжении 150 верст, места не населенные. Слабое исключение составляет маяк Котельниковский; на южном его берегу приютилась заимка одной рыбацкой семьи и маячный дом, занятый семьей смотрителя... Отсюда до самой речки Бугульдейки, на протяжении 211 верст, включая остров Ольхон, вся береговая полоса западного берега заселена бурятами. При описанном выше почти безлесном и слабо орошенном характере острова Ольхон, существование его населения крайне не обеспечено, так как земледелие здесь, при существующих условиях хозяйства, невозможно, скотоводство также недостаточно надежно, и если бы не рыболовный и нерпичий промыслы, то на Ольхоне и на побережье Малого моря не было бы и того редкого населения, которое живет там теперь и которое постепенно уменьшается... В 65-ти верстах от Б. Бугульдейки к югу находится село Голоустное, протянувшееся около самого берега озера и имеющее жителей около 100 семей; здесь церковь, метеорологическая станция при маяке (в двух верстах от селения). У мыса Белозерцева находится выселок Белозерцевский (Малое Голоустное), состоящий из пяти домов. По степи расположено 4 бурятских улуса.

Таким образом, на протяжении более 1200 верст обоих берегов Байкала совершенно незаселенная часть составляет 700 верст, т. е. около 2/3 всей его окружности» [Люция и физико-географический очерк ... , 1908].

Заключение

Рассмотренные выше материалы позволяют констатировать, что к началу XVII в. в Прибайкалье и собственно в экосистеме оз. Байкал сложился щадящий режим комплексного хозяйственного освоения большей части природных биоресурсов. Такой режим хозяйственного освоения экосистемы Байкала и примыкающих к нему таежных и лесостепных территорий обеспечивал регулярное, естественное воспроизводство изымаемых биоресурсов. Естественное восстановление осваиваемых источников жизнеобеспечения достигалось соблюдением «неписаных», вошедших в традицию эвенков, бурят и осваивающих эти районы русских старожилов норм:

- преимущественно потребительским характером хозяйства;
- неукоснительным, регламентированным обычным правом и принципом изъятия из естественного запаса биоресурсов ровно такого количества, которое обеспечивало лишь текущие (ежедневные, сезонные) потребности хозяйствующей группы в продуктах питания и сырья для домашних ремесел;
- периодической сменой ареалов обитания и районов наиболее интенсивной антропогенной нагрузки в локальных участках общинно-родовых и семейных угодий;
- поиском новых свободных участков промысловой и иной хозяйственной деятельности в случае истощения ресурсов прежних угодий, нередко далеко за пределами прежних ареалов обитания.

Природосберегающий режим хозяйственного освоения байкальского антропогеоценоза относительно малочисленным составом полиэтничного населения отнюдь не являлся особым, характерным для экономики «натурально-

го, присваивающего типа» экологическим сознанием хозяйствующих субъектов [критику этого широко распространенного мнения см.: Крупник, 1989]. Подобный режим природопользования для всех категорий охотников-рыболовов и ранних земледельцев-скотоводов лимитировался естественными природными закономерностями – неминуемой «голодовкой» в случае чрезмерного переопромышления среды обитания.

Именно по этой причине экологически чистое природопользование сохранялось в культуре эвенкийского, бурятского и русского старожильского населения не далее первой четверти XX в. Однако и ранее, в связи с увеличением доли товарного назначения рыболовства, пушного промысла и, отчасти, охоты на отдельные виды копытных их предпромысловая численность перешла критический рубеж, что вызвало введение временного запрета на промысел этих видов, организацию заповедников. Так, несмотря на преимущественно потребительский характер хозяйства большей части населения Прибайкалья и Забайкалья, экологически не оправданное увеличение количества добычи «товарной пушнины» (в первую очередь соболя) завершилось резким сокращением ее запасов и созданием в 1916 г. Баргузинского заповедника.

Ограниченность кормовой базы пастбищ в прибрежной зоне Байкала и на о-ве Ольхон в традиционных технологиях скотоводства XVIII – первой половины XIX в., очевидно, лимитировала возможности роста поголовья скота в индивидуальных хозяйствах бурят и соответствующие поставки товарной продукции на местные рынки. Интенсификация этой отрасли, как и товарного рыболовства в акватории Байкала, на взгляд автора, приходится на первые десятилетия XX в. Очевидно, с этого времени начинается период широкомасштабного антропогенного разрушения экосистемы озера. Свой вклад в разрушение девственной чистоты озера, безусловно, внесли массовые вырубки леса, строительство промышленных комбинатов в зоне байкальских водосборов, наконец, развитие сети организованного и дикого туризма. Развернувшееся в последние десятилетия XX – в начале XXI столетия общественное движение за сохранение уникального природного объекта – всемирного наследия озера Байкал [Байкал. Природа ... , 2009] представляется автору актуальной задачей, пока трудноразрешимой и требующей разработки целого комплекса научно обоснованных мероприятий, если не исключая, то хотя бы минимизирующих последствия антропогенных нарушений байкальской экосистемы.

Список литературы

Алексеев В. П. Антропологические данные и происхождение народов СССР / В. П. Алексеев // Расы и народы. – М. : Наука, 1973. – Вып. 3. – С. 43–66.

Алексеев В. П. О характере этногенетических процессов на территории Сибири в свете антропологических данных / В. П. Алексеев // Историческая антропология и этногенез. – М. : Наука, 1989. – С. 414–420.

Алексеев В. П. Очерки экологии человека / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1993. – С. 28–30.

Асеев И. В. Прибайкалье в Средние века / И. В. Асеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 150 с.

Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла / И. В. Асеев. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.

Байкал. Природа и люди // Энциклопедический справочник / под ред. А. К. Тулохонова. – Улан-Удэ : ЭКОС : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 608 с.

Балуева Т. С. Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чертовы ворота (Приморье) / Т. С. Балуева // ВА. – 1978. – Вып. 58. – С. 184–187.

Башаров И. П. Русская промысловая культура Восточного Прибайкалья (конец XIX – начало XX в.) / И. П. Башаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 162 с.

Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. / О. В. Бураева. – Улан-Удэ : изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 211 с.

Бурыкин А. А. Судьба прибайкальской теории этногенеза тунгусов в свете новых археологических и этнографических данных / А. А. Бурыкин // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М. ; Омск : Изд-во Ом. пед. ун-та, 1999. – Ч. 1. – С. 44–66.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 303 с.

Ветров В. М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон) – 1 в Бамбульской котловине / В. М. Ветров, О. В. Задонин, Е. М. Инешин // Культуры и памятники эпохи камня и раннего железа Забайкалья. – Новосибирск : Наука, 1993. – С. 50–75.

Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленоводоов Сибири (эвенки Средней Сибири). Сообщение 1: Родовая структура, субизоляты и инбридинг в эвенкийской популяции / Ю. Г. Рычков, Н. Е. Таусик, Т. Н. Таусик, О. В. Жукова, С. Р. Бородина, В. А. Шереметьева // Вопр. антропологии. – 1974а. – Вып. 47. – С. 3–26.

Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленоводоов Сибири (эвенки Средней Сибири). Сообщение 2: Эффективный размер, временная и пространственная структура популяции и интенсивность миграций генов / Ю. Г. Рычков, Н. Е. Таусик, Т. Н. Таусик, О. В. Жукова, С. Р. Бородина, В. А. Шереметьева // Вопр. антропологии. – 1974б. – Вып. 48. – С. 3–17.

Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленоводоов Сибири (эвенки Средней Сибири): III. Генетические маркеры и генетическая дифференциация в популяции эвенков Средней Сибири / Ю. Г. Рычков, В. А. Шереметьева, Т. Н. Таусик, О. В. Жукова, С. Р. Бородина // Вопр. антропологии. – 1976. – Вып. 53. – С. 38–56.

Георги И. Г. Описание всех в российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей / И. Г. Георги. – СПб., 1799. – Ч. 3. – 116 с.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал) / О. И. Горюнова. – Новосибирск : Наука, 1997. – 112 с.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области : (Историко-культурное наследие Иркутской области. Археология) / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1995. – Ч. 1 : Остров Ольхон. – 140 с.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1996. – Ч. 2 : Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 2000. – Ч. 3 : Материковый участок от мыса Улан до р. Бол. Бугульдейка. – 182 с.

- Григоровский Н.* Поездка на Верхнюю Ангару / Н. Григоровский // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1890. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 1–29.
- Дашибалов Б. Б.* Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 189 с.
- Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Дебец Г. Ф.* Антропологический состав Прибайкалья в эпоху позднего неолита / Г. Ф. Дебец // Рус. антропол. журн. – Т. 19. – Вып. 1–2. – М. ; Л. ; Гос. изд-во, 1930. – С. 7–50.
- Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец. – Л. : Наука, 1948. – 401 с.
- Доппельмайер Г.* Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала. Верхнеудинск / Г. Доппельмайер. – Л. : Изд. ГОСПЛАНА БМАССР, 1926. – 275 с.
- Жамбалова С. Г.* Традиционное хозяйство // Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – С. 93–121. – (Народы и культуры)
- Залкинд Е. М.* Из истории баргузинских эвенков конца XVI–XVII вв. / Е. М. Залкинд // Зап. Бурят-Монгольского НИИ. – Улан-Удэ, 1941. – Вып. 5–6. – С. 116–139.
- Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. / Э. П. Зиннер. – Иркутск : Изд-во Вост. Сиб. правды, 1968. – 250 с.
- Иванов В. Н.* Русские ученые о народах северо-востока Азии. (XVII – начало XX в.) / В. Н. Иванов. – Якутск : Кн. изд-во, 1978. – 320 с.
- Карлов В. В.* Тунгусский мир Сибири в историческом времени и пространстве / В. В. Карлов // Сибирский сборник-4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры (памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой). – СПб. : Изд-во МАЭ РАН, 2014. – С. 25–37.
- Конопацкий А. К.* Древние культуры Байкала : (о. Ольхон) / А. К. Конопацкий. – Новосибирск : Наука, 1982. – 176 с.
- Копылов И. П.* Тунгусское хозяйство Ленско-Киренского края. По данным статистико-экономического обследования 1927 г. / И. П. Копылов. – Новосибирск, 1928. – 58 с.
- Крупник И. И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / И. И. Крупник. – М. : Наука, 1989. – 272 с.
- Лбова Л. В.* Древности Бурятии: карта археологических памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 220 с.
- Левин М. Г.* Эвенки северного Прибайкалья. (Материалы экспедиции 1929 г.) / М. Г. Левин // СЭ. – 1936. – № 2. – С. 71–78.
- Левин М. Г.* Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока. (К проблеме этногенеза народов Северной Азии) / М. Г. Левин // СЭ. – 1950. – № 2. – С. 69–75.
- Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение / М. Г. Левин // СЭ. – 1951. – № 1. – С. 63–87.
- Лоция и физико-географический очерк озера Байкал* / под ред. Ф. К. Дриженко. – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – [7], XXXIII, 4. – 443 с.
- Мамонова Н. Н.* Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) / Н. Н. Мамонова // Палеоантропология Сибири. – М. : Наука, 1980. – С. 64–88.
- Мельхеев М. Н.* Географические названия Восточной Сибири / М. Г. Мильхеев. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1995. – 317 с.

Молекулярно-генетическая характеристика неолитических популяций Прибайкалья. Анализ ПДРФ древней мтДНК из костных остатков в могильнике Усть-Ида I / О. Ю. Наумова, С. Ю. Рычков, В. И. Базалийский, Н. Н. Мамонова, Л. Д. Сулержицкий, Ю. Г. Рычков // *Генетика*. – 1997. – Т. 33, № 10. – С. 1418–1424.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.

Новиков А. Г. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV / А. Г. Новиков, А. В. Вебер, О. И. Горюнова. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – 296 с.

Нимаев Д. Д. Родоплеменные и этнотерриториальные группы бурят в XVII–XIX вв. / Д. Д. Нимаев, Б. З. Нанзатов // *Буряты* / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – С. 44–57. – (Народы и культуры).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА. № 18).

Орлов, поручик. Баунтовские и ангарские бродячие тунгусы / Орлов // *Вестник ИРГО*. – СПб : Тип. Мор. мин-ва, 1857. – Ч. 21, № 6, вып. 2. – С.180–192.

Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.) / Л. Р. Павлинская. – СПб. : Европ. дом, 2008. – 256 с.

Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников. – СПб., 1906. – Ч. 1: Тунгусы собственно. – 209 с. – (Зап. / РГО по отд. этногр. – Т. XXXI, ч. I, вып. 1-2); Ч. 2: Прочие тунгусские племена. – 209 с. – (Зап. / РГО по отд. этногр. – Т. XXXI, ч. 2, вып. 2).

Пежемский Д. В. Человек из Нижней Джилинды (предварительное сообщение) / Д. В. Пежемский, Г. В. Рыкушина // *ВА*. – М. : Наука, 1998. – С. 36–53.

Петри Б. Э. Охота и оленеводство тутурских эвенков связи с организацией охотхозяйства / Б. Э. Петри. – Иркутск : Тип. изд-ва «Власть труда», 1930. – 106 с.

Радде Г. Этнографический очерк прибайкальских бурят и тунгусов / Г. Радде // *Вестн. РГО*. – СПб., 1858. – С. 137–149.

Рычков Ю. Г. Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности популяций. Поиски и решения на пути популяционной генетики / Ю. Г. Рычков // *ВА*. – 1973. – Вып. 44. – С. 3–22.

Рычков С. Ю. Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита : автореф. дис. ... канд. биол. наук / С. Ю. Рычков. – М., 2004. – 22 с.

Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году: Дорожный дневник Спафария / введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. – Репринт. изд. 1882 г. – СПб.: Альфарет, 2010. – 222 с.; 1 л. план.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ) / отв. ред. В. И. Цинпиус. – Л. : Наука, 1977. – Т. 2. – 992 с.

Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Западной и Средней Сибири / В. А. Туголуков. – М. : Наука, 1985. – 383 с.

Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в. / М. Г. Туров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – 176 с.

Туров М. Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории / М. Г. Туров. – Иркутск : Амтера, 2008. – 228 с.

Харинский А. В. Прибайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э.: Генезис культур и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во Иркут. техн. ун-та, 2001. – 198 с.

Шереметьева В. А. Демографическая генетика и антропология (Сибирь и Дальний Восток) / В. А. Шереметьева // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. – СПб. : Наука, 2006. – С. 211–212.

Human at Lake Baikal: Refugium or Anthropogeocoenosis?

M. G. Turov

Abstract. The material of this publication analyzes at least the process of four hundred years history of the development of the Baikal by ancient and modern human. Considerable space is devoted the description of the settlement place of the main ethnic groups, the traditional methods of management and prospects of development of the Baikal ecosystem in the last decades of the past and the beginning of the century. It is found that at the beginning of XVII in the Baikal region and in the ecosystem of the Baikal it was formed a gentle treatment of complex economic development of the natural biological resources. This mode of management within the ecosystem of The Baikal and the adjoining areas of taiga and forest provide a regular, natural reproduction of seized biological resources. Mode of nature for all categories of hunters and anglers, early farmers and herdsmen was limited by natural laws – imminent starvation in the event of excessive industrialization of habitat. Unfolded in recent decades XX – beginning of XXI centuries social movement for the preservation of the unique natural world heritage site – Lake Baikal – seems an urgent task as difficult to solve and requires the development of a set of evidence-based measures which not excluded, but at least reduce the effects of anthropogenic disturbances of the Baikal ecosystem.

Keywords: refugium, anthropogeocoenosis population, settlements, fisheries, dynamics of development, prospects of anthropogenic influences.

Туров Михаил Григорьевич

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры археологии, этнологии,
истории древнего мира
Иркутский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: mixail.mikturov@yandex.ru

Turov Mikhail Grigorievich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Associate Professor
of Department Archaeology, Ethnology,
Ancient History
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: mixail.mikturov@yandex.ru